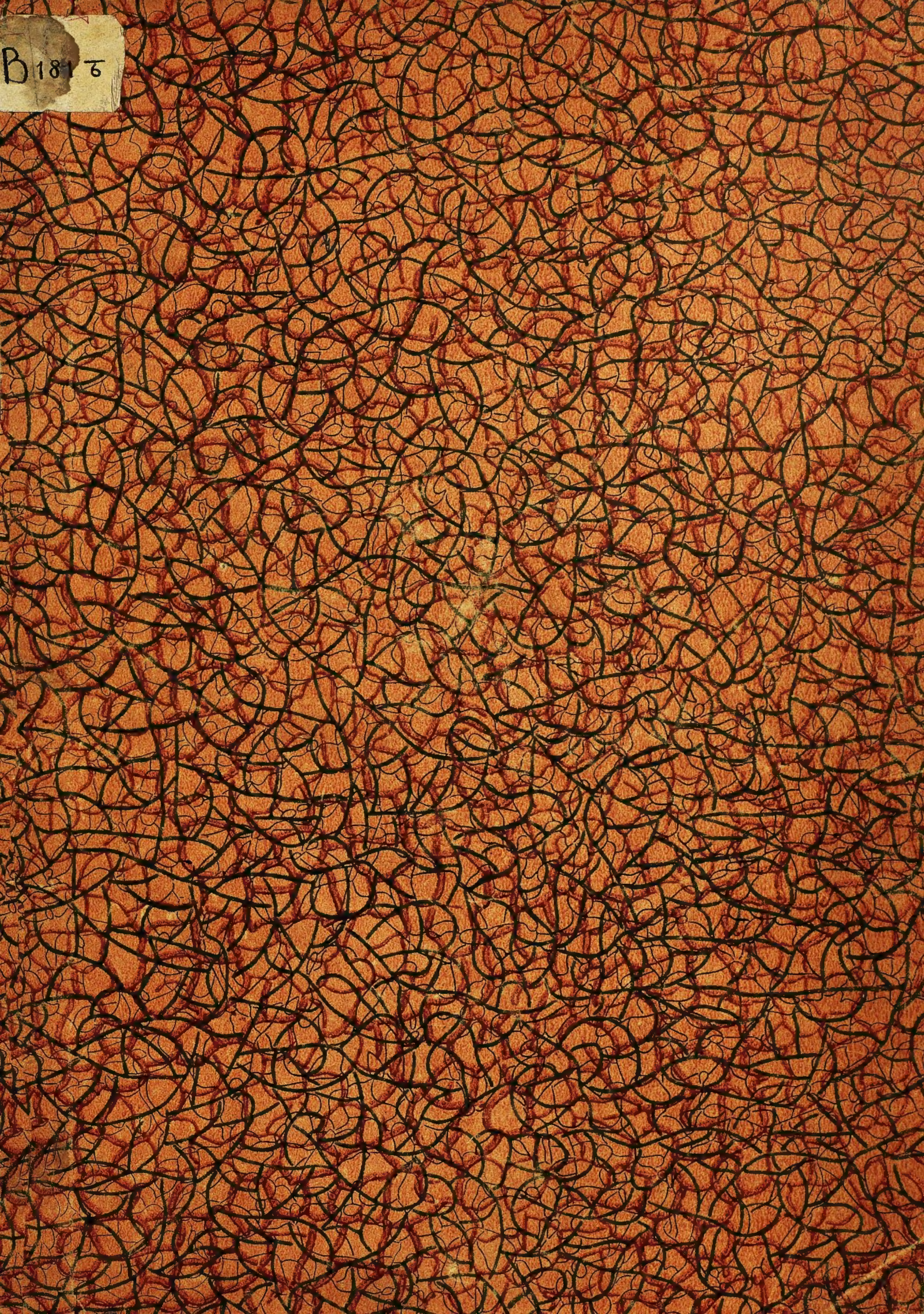

B 181 6

О Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи.

И. Миловидова.

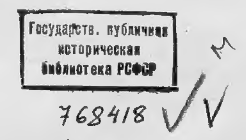
Имѣя честь быть приглашеннымъ на археологическій съѣздъ въ качествѣ члена Костромской Архивной Коммиссіи, долгомъ считаю сообщить о результатахъ моихъ археологическихъ и историческихъ изысканій и работъ. Результаты моихъ еще непродолжительныхъ начальныхъ работъ по исторіи Костромы слѣдующіе:

Предшествующіе труды по исторіи Костромы, особенно въ отдѣлѣ начальнаго періода ея исторіи, оказались не выдерживающими критики. Думаю, что достаточно привести здѣсь на выдержку начальныя строки труда князя Козловскаго „Взглядъ на исторію Костромы 1840 г., гдѣ говорится, что страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, была обитаема народами славянскаго поколѣнія, именовавшимися Меря. Очевидна здѣсь крупная историческая ошибка въ названіи Мери племенемъ славянскимъ вмѣсто финскаго, хотя безспорно, что еще въ древнѣйшую доисторическую пору между мерянами были славянскіе колонисты, скоро съ ними слившіеся. Князь Козловскій, впрочемъ, не оговариваетъ этого. Не останавливаясь на мѣстныхъ остаткахъ отъ племени Мери, не указывая на сохранившіяся отъ него названія нѣкоторыхъ мѣстностей, городовъ и рѣкъ, не предложивъ хотя краткой характеристики быта Мерянъ по недостатку, конечно, въ его время археологическихъ данныхъ, князь Козловскій пытается установить взглядъ на начальную исторію города Костромы и объяснить названіе города Костромою. Попытка оказывается неудачной, потому что основывается на произвольныхъ предположеніяхъ и толкованіяхъ. Князь Козловскій говоритъ, что гг. Кострому и Галичъ построилъ князь Суздальскій Юрій Долгорукій. Мнѣніе это произвольно. Въ лѣтописяхъ не говорится, чтобы Юрій Долгорукій построилъ эти города. Изъ лѣтописи, правда, извѣстно, что Юрій Долгорукій былъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли и строителемъ городовъ въ ней, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ еще заключать, чтобы онъ соорудилъ всѣ города въ Ростовско-Суздальской землѣ. Мы должны слѣдовать сказаніямъ лѣтописцевъ, между тѣмъ они говорятъ о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только городовъ въ Ростовско-Суздальской землѣ слѣдующихъ: Дмитрова, Боголюбова, Юрьева-Польскаго, Кснстина или Константина при впаденіи большой Нерли въ Волгу, Москвы

(по сказанію Тверской лѣтописи въ 1156 г.), о перенесеніи Переяславля отъ Клещина на другое мѣсто и о заложеніи этого города больше прежняго.

Татищевъ въ Россійской исторіи въ кн. III-й на стр. 76-й говоритъ, что Юрій Долгорукій „началъ строить въ области своей многіе города, созывая людей отвсюда, въ которые, приходя множество болгаръ, мордвы, венгровъ, кромѣ русскихъ, селились". Заключать отсюда, какъ дѣлаетъ князь Козловскій, что въ числѣ этихъ многихъ городовъ были построены Юріемъ Долгорукимъ Кострома и Галичъ, произвольно. Наши историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Д. И. Иловайскій и др. не высказываются ясно о времени построенія или возникновенія городовъ Костромы и Галича. Г. Соловьевъ напр.: говоритъ только, что Кострома построена въ эпоху стремленія сѣверныхъ князей распространять колонизацію внизъ по Волгѣ. „Города строились съ расчетомъ при главныхъ изгибахъ рѣки и при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ; такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее р. Унжи, наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ къ предѣламъ Азіи" (Истор. Сол. I т. стр. 31). Итакъ, ни лѣтописцы, ни историки не даютъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: когда, т.-е. въ какомъ вѣкѣ возникли гг. Кострома и Галичъ или кѣмъ они построены? Лѣтописцы упоминаютъ о нихъ какъ о городахъ, уже существовавшихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ при разсказѣ объ историческихъ событіяхъ, коснувшихся и ихъ. Такъ о Костромѣ въ первый разъ упоминается въ спискахъ лѣтописей Воскресенской и Тверской, подъ 1213 г., при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями великаго князя Всеволода III-го, Константиномъ Ростовскимъ и Юріемъ Владиміро-Суздальскимъ, когда Кострома была сожжена Константиномъ и жители ея были отведены въ плѣнъ въ Ростовъ. О Галичѣ въ разныхъ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается подъ 1237 г. при разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую землю: „и тѣ (татары) поплѣнили всѣ грады по Волгѣ и до Галича мерскаго", въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано: „до Галича володимирскаго". Изъ первоначальныхъ лѣтописныхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ мы заключимъ только, что въ первой половинѣ XIII в. эти города существовали въ Ростовско-Суздальской землѣ, и такъ какъ о Костромѣ упоминается еще въ началѣ XIII в., то мы вправѣ заключить, что онъ, какъ городъ приволжскій, существовалъ въ Суздальской области въ концѣ, по крайней мѣрѣ, и XII вѣка, равнымъ образомъ то же предположительное заключеніе можно сдѣлать и о Галичѣ. Возводить же древность этихъ городовъ далѣе въ глубь, на основаніи приведенныхъ лѣтописныхъ сказаній, мы не можемъ. Такимъ образомъ вопросъ остается открытымъ: когда возникли гг. Кострома и Галичъ?

При развитіи въ настоящее время русской археологіи, можно найти ключъ къ рѣшенію этого любопытнаго вопроса въ трудахъ и изысканіяхъ археологовъ. Капитальный трудъ въ области русской археологіи — это изслѣдованіе графа Уварова „о бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ" (Москва 1872 г.). Въ немъ на стр. 47 читаемъ: „Городища, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т.-е. мерянъ. Найденные въ Городищахъ желѣзные предметы неоспоримо пріурочиваютъ эти

насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно, къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ". Впрочемъ графъ Уваровъ обычай насыпать городищи не усвояетъ только мерянамъ, но говоритъ, что это былъ общенародный обычай у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. „Городища, продолжаетъ графъ Уваровъ, находятся большею частію возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потомъ самое названіе Городище перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи. Мы полагаемъ, говоритъ графъ Уваровъ, что Городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее, возвышенное мѣсто по срединѣ мерянскихъ поселеній служили, укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Переяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье р. Трубежа, Суздаль тоже вѣрно находился прежде у сельца или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка; замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами, но какого они были рода: были ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Раскапывая городище, мы находили только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были то варяги, славяне или обрусѣвшіе финны (Меря, Мурома, Весь и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Дастъ разсказываетъ, что холодъ въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни до высшей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны. Городищъ разбросано много въ области, занимаемой въ старину мерянами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, такъ же называемыхъ городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпи. Пять селеній съ такими насыпями и названіями представляютъ цѣпь по берегамъ Волги въ Калязинскомъ уѣздѣ (Тверской губерніи), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ". Но Костромскія и Нижегородскія городища по мнѣнію графа Уварова еще мало изслѣдованы и мало извѣстны. Приведенное мѣсто изъ труда графа Уварова даетъ, какъ мы сказали, ключъ къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса о началѣ г. Костромы. Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу Волги, на возвышенномъ холмѣ, расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи г. Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанными съ нею, узнать, не найдено ли здѣсь какихъ-нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгломъ осмотрѣ мѣста, можно

замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна, по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного сторожила этого сельца, что когда онъ рылъ подъ горой по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой-то срубъ въ родѣ погреба, находилъ черепки (остатки посуды), каменья и наконецъ, когда распахивалъ поле по юго-восточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противопожной имѣются какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно, болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ — всадникъ Георгій Побѣдоносецъ. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ явственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранились остатки имени князя Юрія Даниловича и на другой какъ будто царя Озбяка (ханъ Узбекъ нач. XIV в.). Любопытно было бы видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись. Онѣ, по его словамъ, были размѣромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близъ нынѣшняго сельца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людомъ. Находки же здѣсь въ землѣ остатковъ отъ построекъ и черепковъ отъ посуды еще болѣе подкрѣпляютъ это предположеніе и наводятъ на мысль, что Гордище это было такое же, можетъ быть, мерянское, о какихъ говоритъ и графъ Уваровъ. Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городище, такъ напр.: будто городъ (Кострома) назначался здѣсь первоначально, т.-е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагалъ основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно, находившагося здѣсь. Хотя церковь городищенская по стилю не очень древняя, тѣмъ не менѣе въ ней есть нѣсколько старинныхъ предметовъ церковной утвари, а на одномъ церковномъ оловянномъ блюдѣ XVIII в. мы видѣли такую надпись: „сіе блюдо г. Костромы церкви св. Иліи, что на Городищѣ". Между тѣмъ городищенская церковь причисляется къ городскимъ церквамъ. Очевидно, что въ XVIII в. было живуче преданіе о существованіи на этомъ мѣстѣ въ древности г. Костромы. Иначе почему бы называть церковь эту церковью г. Костромы, когда она не относилась къ городскимъ церквамъ подобно церквамъ селъ Никольскаго и Спасскаго на этой же противоположной сторонѣ Волги. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и бѣгломъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ сельцомъ Городище противъ г. Костромы, даютъ поводъ думать, что прежде основанія г. Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ въ древности былъ городокъ, можетъ быть, мерянскій, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ сельцомъ Городище. Эта мѣстность оставалась, вѣроятно, населенною продолжительное время, и селеніе сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее ея мѣсто. Иначе какъ объяснить присутствіе въ землѣ близъ Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ случайно монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему

мнѣнію, возвышенная мѣстность, занятая сельцомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы. Упомянемъ здѣсь кстати еще объ одномъ селеніи противъ нынѣшней Костромы, находящимся на правомъ же берегу Волги съ названіемъ, свидѣтельствующимъ также о его древности, это селеніе, теперь называемое Селище (названіе съ окончаніемъ на ище свидѣтельствуетъ о древности селенія), въ старину же именуемое Новое село или Новоселки. Оно упоминается въ историческихъ актахъ еще въ XIV ст., какъ прикупка Іоанна Калиты. Нѣтъ сомнѣнія, что оно существовало и ранѣе этого князя. Не свидѣтельствуетъ ли и оно, что мѣстность по горной, правой сторонѣ Волги была въ старину заселена, что были здѣсь въ старину и пригороднія слободы и селенія? Мы не хотимъ этимъ сказать того, что лѣвая сторона Волги была совершенно пустынною. Очень можетъ быть, что и здѣсь были же поселенія, особенно при устьѣ рѣки Костромы. Но это мы можемъ только предполагать; утверждать же съ такою очевидностью, какъ относительно праваго берега, не имѣемъ основаній, потому что въ настоящее время на лѣвомъ берегу Волги или въ предѣлахъ нынѣшняго города Костромы мы не находимъ ни одной мѣстности съ названіемъ, которое свидѣтельствовало бы о ея древности, напр. съ названіемъ: Городище, Городокъ, или какъ напримѣръ въ Ярославлѣ: „Рубленый городъ“.

Изслѣдованія археологовъ свидѣтельствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности большею частію мерянами. Въ Ярославской губерніи насчитываютъ 12 городковъ, изъ коихъ Ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одинъ отъ другого разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину верстъ на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Изслѣдователи полагаютъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ, т.-е. Неро и Клещина. Во Владимірской губерніи тоже много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „по нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ терпѣли отъ родовыхъ усобищъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей. Болѣе ясное упоминаніе о существованіи городовъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверо-западной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ № 854, „всташа же Новгородци и Кривичи и Меря и Чудь на Варяги и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ и городы ставити и бысть межю ими рать, градъ на градъ и не бяше правды“. У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша городы ставити“, но выраженіе (всташа) градъ на градъ замѣнено другимъ: родъ на родъ. Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи этого города. Князь Козловскій названіе города Костромы производитъ совершенно произвольно отъ г. Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ нынѣшняго Дерпта, или отъ замка Кострума, гдѣ послѣ построенъ г. Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума князь Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы

произвести нетолько отъ замка или города въ Ливоніи, а пожалуй откуда нибудь и подальше, даже изъ Африки, если бы тамъ нашлась сходная мѣстность и съ названіемъ подобнымъ. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожиловъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи „О бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ", предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ нею губерніяхъ донынѣ въ народѣ употребителенъ языкъ, не похожій на славянскій или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ подъ названіемъ въ Нерехтѣ Элтонскаго (отъ слова Элтышъ — безмѣнъ, языкъ безмѣнниковъ). Этому языку одолжены названія здѣшнихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга — городъ съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго масъ — красивый, образуется названіе города Костромы — красивый городъ. — Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города Кострома изъ двухъ словъ; одного изъ языка такъ называемаго теперь Элтонскаго, другаго Мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, если они принадлежали и двумъ отдѣльнымъ народностямъ. — Обратимся къ древнерусской миѳологіи. Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соотвѣтствовавшее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, — обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады, Ярилы. По всему вѣроятію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ игрищамъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ. Тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка. Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы. — Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: прутъ, розгу и ростущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи

Костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ (Аѳанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу). О. Ѳ. Миллеръ „въ Христоматіи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности“ говоритъ: (стран. 6) „Кострубелькой въ Малороссіи назывался Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчіи Кострубъ значитъ Нечесъ, Кудлай, что заставляетъ предполагать, что Веснякъ изображался кудрявымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Костромы. Хотя графъ Уваровъ и говоритъ, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костромино — деревня въ Александровскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Дубны, Костромиха — Суздальскаго уѣзда по р. Мерли и Кострочиха — въ Гороховецкомъ уѣздѣ и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Меря) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣ же имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто изъ лѣтописи по Ипатьевскому списку, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище Коструга: „о нѣмъ же (Литвѣ) притекшимъ супротивъ Кострузѣ, сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратишася“. Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубоньки или Костромы — божества весны — были распространены какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ*). Упоминаемыя графомъ Уваровымъ поселенія во Владимірской губ. съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же купанія дѣвушки, изображавшей Кострому, или потопленія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или озерахъ. На этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами ранѣе, Костромою или именемъ одного съ него корня — славянское отъ имени этого языческаго божества весны или Весняка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ, по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія Русскаго государства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краѣ совершались въ старину празднованія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Купалы, Ярилы, Костромы, яснымъ доказательствомъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранявшіеся долгое время спустя послѣ принятія христіанства языческіе праздники и обряды. Народъ чтилъ боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ

---

*) Мы уже раньше говорили, что и въ Саратовской губ. Костромою называется куча соломы, сожигаемая на Новый годъ.

русалокъ. Въ честь каждаго изъ этихъ миѳическихъ существъ учреждены были праздники, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 году уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представлялъ избранный міромъ человѣкъ, котораго, предъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали разными цвѣтами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по городу. Въ Костромѣ и до сихъ поръ въ всѣхсвятское заговѣнье гулянье народное извѣстно подъ названіемъ яриловки. Въ настоящее время народное гулянье въ Костромѣ въ честь Ярилы не сопровождается уже какими-нибудь обрядами, сохранившимися отъ старины; игры больше новѣйшаго происхожденія. Пѣсенъ старинныхъ съ характеромъ миѳическимъ также мы не слыхали. Если можно, что, считать остаткомъ или слабымъ проблескомъ языческой и миѳической старины, то это обычай составлять круги, какъ бы символизируя тѣмъ форму солнца, и выходъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ молодца и дѣвицы, при чемъ они или берутъ другъ друга за руки, или ударяютъ другъ друга по ладонямъ какъ бы въ знакъ обоюднаго согласія. Вліяніемъ старины, вѣроятно, нужно объяснить и подборъ пѣсенъ, распѣваемыхъ народомъ во время гулянья; всѣ пѣсни имѣютъ содержаніемъ или взаимную любовь между лицами двухъ половъ, или говорятъ объ измѣнѣ съ которой-нибудь стороны. Словомъ, общій мотивъ пѣсенъ — любовь. Къ нѣкоторымъ пѣснямъ еще присоединяется древній припѣвъ „Лемо“ — названіе древняго и языческаго божества любви плодородія. Этими слабыми проблесками старины еще выдерживается и до сихъ поръ древній характеръ праздника въ честь Ярилы, какъ божества лѣтняго жара и, въ переносномъ смыслѣ, любви. Въ Галическомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ, по преданію стоялъ идолъ Ярилы, гулять въ то же всѣхсвятское заговѣнье. Многія изъ женскаго пола, какъ мы слышали, являются на гулянье въ особыхъ старинныхъ костюмахъ. Гулянье въ честь Ярилы бываетъ въ Кинешмѣ, въ рощѣ по р. Кинешемкѣ, близъ Нерехты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехтскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Купалы (отъ корня куп, кип, отсюда кипѣть, олицетвореніе лѣтняго жара) около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 іюня городскіе жители гулять по берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ друга водою и купаньемъ въ озерѣ*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественны, то сходныя, олицетворявшія однѣ и тѣ же живительныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ Костромскомъ краѣ и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы“ получили названіе какъ городъ, жителями котораго этотъ обрядъ, вѣроятно, совершался, такъ и рѣка, впадающая близъ этого города въ Волгу. Волга уже имѣла общее въ старину названіе „ра“. — Принимая въ соображеніе мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что Новгородцы, Кривичи, Чудь, Меря, по изгнаніи варяговъ 854 г., начали ставить города и управляться сами, — но всталъ градъ на градъ, — мы приходимъ къ тому выводу, что

---

*) Крживоблоцкій. Мат. для географіи и статист. Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

городокъ, получившій названіе Костромы, который, вѣроятно, существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если и мерянами, то въ пору слiянія этого племени съ славянскимъ или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мнѣнія изслѣдователи и о городищахъ Ярославской губерніи. Они относятъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ сліянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, извѣстнаго подъ именемъ Дѣева Городища, служитъ какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣпи городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, по обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же лѣвый берегъ могъ быть затопляемъ и впадающей въ Волгу р. Костромою. Итакъ, о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первонально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго Городища на правомъ берегу Волги въ пору начавшагося сліянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе, уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ, и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ — Костромы. Время возникновенія этого городка приблизительно можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка. — Мы остановились на рѣшеніи вопроса о происхожденіи г. Костромы и о его названіи и не говорили о г. Галичѣ потому, что условія мѣстности Костромы намъ извѣстнѣе, чѣмъ Галича. Въ Галичѣ, какъ извѣстно намъ изъ описанія, есть мѣстность, самая возвышенная въ городѣ, именуемая Столбище, получившая названіе въ христіанскую пору по церкви Симеона Столпника, находившейся здѣсь, — мѣстность съ остатками валовъ и рвовъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что въ древности здѣсь былъ городокъ, подобный Костромскому, еще въ языческую пору нашей исторіи, такъ какъ доселѣ указываютъ на горахъ мѣста, гдѣ стояли идолы Эрилы и Купалы. Названіе городка Галичемъ могло быть усвоено ему позднѣе, можетъ быть Юріемъ Долгорукимъ, болѣе укрѣпившимъ его, который могъ перенести сюда и названіе съ Галича южнаго, если только Галичъ сѣверный не есть измѣненное древнее названіе Галивонъ. Сохранились отрывки Галицкой лѣтописи, правдивость сказаній которой хотя и подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе она упоминаетъ о Галичѣ, какъ городѣ, еще въ XII вѣкѣ.

Въ настоящее время г. Кострома — не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Волги. Если мы пришли къ выводу, что первоначально Кострома находилась на правомъ берегу Волги, гдѣ нынѣ сельцо Городище, то естественно рождается вопросъ: когда и кѣмъ перенесена Кострома на лѣвый берегъ Волги и на какое именно мѣсто? На этотъ вопросъ такъ же, какъ и на первый, не находимъ отвѣта въ лѣтописяхъ. Если бы это перенесеніе сдѣлалъ Юрій Долгорукій, то лѣтописцы непремѣнно упомянули бы объ этомъ, какъ упомянули они о перенесеніи Юріемъ Долгорукимъ на новое мѣсто Переяславля Залѣсскаго, или, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время можно бы было отыскать гдѣ-нибудь въ Костромѣ

хотя слабые намеки на это, напр. въ названіяхъ старинныхъ церквей или придѣловъ при нихъ, при сооруженіи или устроеніи городовъ, устраиваемыхъ часто князьями въ честь своего ангела, какъ въ Юрьевцѣ Поволжскомъ, основанномъ Юріемъ Всеволодовичемъ, была сооружена имъ церковь св. Георгія, или во Владимірѣ губернскомъ доселѣ есть древняя Георгіевская церковь, сооруженная княземъ Юріемъ Долгорукимъ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Въ Костромѣ не открыто покуда слѣдовъ отъ построекъ Юрія Долгорукаго и нѣтъ данныхъ приписывать этому князю перенесеніе или устроеніе г. Костромы на настоящемъ его мѣстѣ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, Кострома упоминается въ первой четверти XIII вѣка при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями князя Всеволода, Константиномъ и Юріемъ, изъ-за великокняжескаго владимірскаго стола, отданнаго отцомъ ихъ второму сыну Юрію за непослушаніе Константина, который не поѣхалъ во Владиміръ и требовалъ Владиміра въ придачу къ Ростову, гдѣ онъ княжилъ. Когда сѣлъ на владимірскій столъ Юрій, Константинъ началъ замышлять рать противъ брата. Юрій съ другими братьями идетъ на Константина къ Ростову. Тогда Константинъ послалъ полкъ свой на Кострому. Кострома была выжжена, а жители ея были уведены въ плѣнъ въ Ростовъ. Вотъ первое упоминаніе въ лѣтописяхъ о Костромѣ, въ однихъ подъ 1213, въ другихъ подъ 1214 г. Въ нѣкоторыхъ очеркахъ исторіи Костромы говорится, что будто о Костромѣ и Галичѣ упоминаетъ Карамзинъ во время княженія великаго князя владимірскаго Всеволода Георгіевича (сына Юрія Долгорукаго и брата Андрея Боголюбскаго) между 1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ не упоминаетъ ясно объ этихъ городахъ. Не извѣстно опредѣленно о какихъ городахъ говоритъ онъ, слѣдуя неопредѣленному лѣтописному сказанію о томъ, что Всеволодъ, призвавъ къ себѣ старшаго сына Константина изъ Новгорода, далъ ему въ удѣлъ Ростовъ съ пятью городами. Нѣкоторые очерки исторіи Костромы въ число этихъ пяти городовъ непремѣнно хотятъ помѣстить Кострому и Галичъ, но на какомъ основаніи, не извѣстно. Мы не допускаемъ въ числѣ этихъ пяти городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, Костромы и Галича. Князь Всеволодъ выдѣлилъ Константину изъ Ростовско-Суздальской земли значительную часть, почти половину, лежащую на сѣверо-западѣ. Юго-восточная половина составила собственно Владиміро-Суздальскую область. Пять городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, были, вѣроятнѣе тѣ, которые находились въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли, а именно: Ярославль, Бѣлозерскъ, Углече поле, Ксятинъ (Константинъ) и или городокъ на Мологѣ или еще какой-нибудь изъ приволжскихъ городковъ, о существованіи которыхъ мы знаемъ изъ сказанія Тверской лѣтописи подъ 1149 г.: „пойде князь Изяславъ на своего дядя Юрія Володимерыча Долгорукаго къ Суздалю и Ростову за Новгородскую обиду и съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоляны и Новгородцы и Псковичи и Корѣляне, и совокупишася на Волгѣ на устьи Медвѣдицы, и поидоша къ Снятину (т.-е. Кснятину Константину) и къ Углечю полю и къ Молозѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ, даже и до Ярославля по Волгѣ и взяша шесть городовъ и воюючи и жгучи“. Итакъ отъ Кснятина до Ярославля включительно по Волгѣ взято было шесть городовъ. Изъ этихъ шести четыре и съ присоединеніемъ къ нимъ Бѣлозерска — пять городовъ и были приданы Константину къ Ростову. Кострома и Галичъ оставались во владѣніи князя Влади-

мірскаго и Кострома, вѣроятно, находилась близъ границы областей Ростовской и Владиміро-Суздальской. Это очевидно и изъ сказаній лѣтописныхъ о посылкѣ княземъ Константиномъ на Кострому полка своего, который сжегъ ее. Если бы Кострома входила въ область Ростовскую Константина, то какая была бы цѣль жечь ему свой городъ? Очевидно въ этомъ фактѣ выразилась его месть и злоба по отношенію къ брату Юрію. Въ лѣтописцѣ Переяславскомъ сказано такъ объ этомъ походѣ: „отъ я (Константинъ) у Гюргя соль Великую, а Кострому пожже, у Ярославля отъя Нерехту“. Очевидно, что здѣсь разграничиваются владѣнія Юрія и брата его Ярослава и притомъ лѣтописецъ точно указываетъ, что у Юрія было взято только и что сожжено. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ этомъ сказаніи лѣтописи въ первый разъ упоминается о Нерехтѣ. (Названіе города, очевидно, измѣненное Мерехта, т.-е. мерянскій городъ). Изъ приведенныхъ доводовъ съ очевидностію заключаемъ, что Кострома и Галичъ входили въ составъ Владиміро-Суздальской области, а не Ростовской, какъ то неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, и что Карамзинъ не могъ разумѣть въ числѣ пяти городовъ, приданныхъ отцомъ, князю Константину, къ Ростову, Костромы и Галича. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы не рѣшили еще перваго вопроса о времени сооруженія Костромы на лѣвомъ берегу Волги и о томъ, кто изъ князей перенесъ ее съ праваго берега на лѣвый. Изъ лѣтописныхъ данныхъ мы можемъ заключить, что Кострома не была значительнымъ городомъ въ XIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, такимъ значительнымъ, какъ другіе новые города, сооруженные Юріемъ Долгорукимъ. При разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую область, бравшихъ и опустошавшихъ города, лѣтописцы не именуютъ Костромы отдѣльно подобно тому, какъ поименовываютъ: Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Москву. Не переименовывая всѣхъ незначительныхъ городковъ по Волгѣ, лѣтописцы вообще говорятъ о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады поплѣниши (татары) и до Галича Мерскаго“, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „и до Галича володимерскаго“. Послѣднимъ выраженіемъ, замѣтимъ кстати, лѣтописецъ точно опредѣляетъ отношеніе Галича къ Владиміру. Галичъ наименованъ здѣсь лѣтописцами потому, что онъ былъ конечнымъ пунктомъ или крайнемъ городомъ района, опустошеннаго татарами. Если во время нашествія татаръ Кострома была незначительнымъ городкомъ по Волгѣ, то слѣдовательно она была изъ числа старыхъ городковъ въ Суздальской землѣ и оставалась еще на правомъ берегу Волги. По нашему мнѣнію и княземъ Константиномъ ростовскимъ была сожжена и татарами взята еще старая Кострома, находившаяся на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища. Нынѣшняя Кострома на лѣвомъ берегу Волги устроена, по нашему мнѣнію, послѣ разгрома Батыя, когда старая Кострома была или сожжена, или разрушена и опустошена татарами. Мнѣніе это наше не произвольное, но подкрѣпляется очевидными данными. Послѣ разгрома Батыева кто обновилъ и успокоилъ землю Суздальскую? Кто возобновлялъ прежніе города и устраивалъ ихъ на новыхъ мѣстахъ? Кто изъ владимірскихъ князей былъ русскимъ Камилломъ? Великій князь владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ, сѣвшій на великое княженіе послѣ погибшаго на рѣкѣ Сити брата своего Юрія Всеволодовича. О постройкѣ Ярославомъ Всеволодовичемъ городовъ не только на прежнихъ, но и на новыхъ мѣстахъ послѣ разгрома Батыя мы имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи Воскресенской (стр. 245):

„Ярославъ Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи прійде съ дѣтьми своими (на владимірское княженіе) и нача грады, разоренные отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, а напереди сего въ томъ мѣстѣ градъ не былъ, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттолѣ наста великое княженіе Тверское“. Это сказаніе лѣтописецъ приводитъ предъ исчисленіемъ ряда тверскихъ князей и ему нужно было сказать и о началѣ тверскаго княжества. Древняя Тверь, какъ извѣстно, была на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки Тверцы. О Костромѣ такого прямого сказанія нѣтъ въ лѣтописяхъ; но фактъ перенесенія Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новое мѣсто послѣ погрома татарскаго — аналогичный; то же самое могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромою. Намъ сейчасъ же скажутъ, что аналогія — не убѣдительное доказательство. Это совершенно справедливо. Кромѣ аналогіи, мы въ доказательство нашего мнѣнія о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ перенесъ Кострому на лѣвый берегъ Волги, приведемъ еще одно данное очевидное. Отъ того и затрудненіе въ рѣшеніи нашего вопроса, что на него нѣтъ прямаго отвѣта въ лѣтописяхъ. Приходится изыскивать разныя основанія, прибѣгая и къ домысламъ, основываемымъ, впрочемъ, на фактическихъ данныхъ. Фактическое данное въ этомъ случаѣ то, что древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ, упоминаемая въ лѣтописяхъ, была церковь св. Ѳеодора или въ честь Ѳеодора Стратилата. Замѣтимъ здѣсь, что намъ пришлось отъ одного спеціалиста, современнаго историка, слышать весьма вѣское возраженіе: была ли эта церковь соборною, такъ какъ соборныя церкви въ древней Руси, за исключеніемъ цер. св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, были въ честь Господнихъ или Богородичныхъ праздниковъ? — Что древнѣйшая церковь въ Костромѣ св. Ѳеодора была соборною, очевидное доказательство этого имѣемъ въ надписи на колоколѣ нынѣшней церкви Богоотцовской или собственно Ѳеодоровской же въ честь иконы Ѳеодоровской Божіей Матери, сооруженной на мѣстѣ древней соборной церкви Ѳеодора Стратилата. Надпись эта гласитъ: „вылитъ сей колоколъ въ бывой Ѳедоровской соборъ, а нынѣ къ ружной церкви во имя Пресвятой Богородицы 1794 г. апрѣля 3 дня“. Преданіе о томъ, что соборная церковь св. Ѳеодора въ Костромѣ въ древности находилась на этомъ мѣстѣ, существуетъ и доселѣ, — такъ что этотъ фактъ несомнѣнный. — Мы еще раньше высказаннаго намъ возраженія задались вопросомъ: почему древняя соборная церковь въ Костромѣ была во имя Ѳеодора Стратилата? — Въ исторіи мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ тому, что князья русскіе и позднѣе цари, при основаніи или устроеніи новыхъ городовъ, первыя церкви строили въ честь своего ангела. Изъ древней исторіи имѣемъ такіе тому примѣры: Юрій Долгорукій въ новомъ тогда еще городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ соорудилъ церковь во имя св. Георгія, которая существуетъ и доселѣ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Великій князь Юрій Всеволодовичъ, построившій Юрьевецъ Поволжскій, соорудилъ на горѣ церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца. Михаилъ Александровичъ Тверскій строилъ церкви въ честь Архангела Михаила. Въ новой русской исторіи имѣемъ крупный примѣръ: Петръ Великій въ крѣпости, заложенной имъ на островѣ Люстъ-Эйландѣ, или въ новомъ городѣ Петербургѣ, соорудилъ церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла. — Изъ лѣтописи мы знаемъ, что великій князь

Ярославъ Всеволодовичъ при крещеніи названъ христіанскимъ именемъ Θеодора и, конечно, въ честь Θеодора Стратилата, такъ какъ онъ родился въ день памяти этого святого, именно 8-го февраля. Вотъ основаніе нашего мнѣнія, что древняя соборная церковь Θеодора Стратилата въ г. Костромѣ была сооружена великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь своего ангела. Какъ древнѣйшая и первая, можетъ быть, въ началѣ единственная церковь въ Костромѣ, такъ какъ въ лѣтописяхъ упоминается только объ ней одной, она могла быть сооружена при самомъ началѣ города. Слѣдовательно и самый городъ на этомъ мѣстѣ, т.-е. на лѣвомъ берегу Волги и именно при устьѣ р. Костромы могъ быть устроенъ тѣмъ же великимъ княземъ владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батыя. Что первоначально городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ устроенъ при устьѣ р. Костромы, на это наводитъ насъ во-1-хъ то, что мѣстность эта нѣсколько возвышеннѣе окрестностей, во-2-хъ, по преданію, здѣсь были, кромѣ Θеодоровской, и другія церкви. Тѣ данныя, какія намъ покуда удалось найти и сопоставить между собою, наводятъ на весьма вѣроятное предположеніе о томъ, что какъ Тверь, такъ и Кострома устроены на новыхъ мѣстахъ великимъ княземъ Владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батыя на суздальскую землю и послѣ разоренія татарами старыхъ городовъ Твери и Костромы на противоположныхъ берегахъ Волги. Уступивъ эти города и возобновивъ, можетъ быть, и Галичъ, Ярославъ Всеволодовичъ роздалъ ихъ удѣлами своимъ сыновьямъ: Ярославу Ярославичу далъ Тверь, четвертому сыну Константину — Галичъ и наконецъ самому меньшему, девятому и послѣднему изъ сыновей, Василію, по прозванію Мизинному, далъ въ удѣлъ Кострому въ половинѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIII вѣка образовались княжества: Тверское, Галицкое и Костромское. Въ лѣтописяхъ, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ въ это время являются названія князей: Ярославъ Тверскій, Константинъ Галицкій и Василій Костромскій.

Нашъ взглядъ на начальную исторію о Костромѣ мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося слінія финскихъ племенъ съ славянами, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ уже смѣшанное населеніе*) изъ мерянъ и славянъ, получившій названіе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ, Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть, онъ былъ болѣе укрѣпленъ Юріемъ Долгорукимъ, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергался двумъ бѣдствіямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя Ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшій къ волости его брата Юрія и находившійся, по всему вѣроятію, близъ границы ихъ волостей; во второй разъ онъ былъ опустошенъ татарами. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель суздальской земли послѣ разгрома Батыя. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенію,

*) О примѣси къ элементу финскому славянской расы еще до начала русскаго государства мнѣніе высказывалось нашими учеными; такъ они предполагаютъ, что и послы къ варягамъ отъ финскихъ племенъ были собственно не финны, а поселившіеся среди нихъ славянскіе колонисты.

на новое мѣсто, болѣе удобное для сношеній при сліяніи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ и Тверь, построилъ въ Костромѣ первую соборную церковь во имя св. великомученика Ѳеодора Стратилата, имя котораго онъ получилъ при крещеніи, и затѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей, Василію отдалъ Кострому удѣломъ, и съ этого времени, съ половины XIII в., получило начало Костромское княжество, нѣсколькими годами позднѣе Галицкаго, отданнаго Ярославомъ четвертому сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣніе, но здѣсь, вѣроятно, снова было устроено селеніе въ видѣ городка, существовавшаго и въ началѣ XIV вѣка, на что ясно указываютъ случайно найденныя здѣсь при раскопкѣ поля монеты, относящіяся, по сохранившимся остаткамъ надписей на нихъ, къ XIV в. Высказанный взглядъ на начальную исторію Костромы нашъ личный, какой мы могли установить по даннымъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Можетъ быть со временемъ найдутся новыя данныя, которыя заставятъ измѣнить этотъ взглядъ. Но это дѣло будущаго. Покуда новыхъ данныхъ нѣтъ.

Со времени образованія Галицкаго и Костромскаго княжествъ идетъ уже вполнѣ ясная и опредѣленная исторія этихъ княжествъ и городовъ по лѣтописямъ, археографическимъ актамъ и преданіямъ. Съ половины XIII в. города Кострома и Галичъ входятъ въ кругъ русской исторіи и имѣютъ въ ней немаловажное значеніе. Галичъ, впрочемъ, получаетъ въ исторіи болѣе важное значеніе, чѣмъ Кострома, и дальше Костромы пользуется самостоятельностію какъ отдѣльное княжество. Въ XIII в. Кострома получаетъ мѣсто въ исторіи во время княжества Василія Костромскаго.

Санкціей для новаго города и новаго княжества Костромскаго послужило явленіе св. иконы Ѳеодоровской Божіей Матери въ началѣ княженія князя Василія Ярославича Костромскаго. Явленіе св. иконы, по преданію, было самому князю, когда онъ находился на охотѣ въ разстояніи одной версты отъ города. Св. икона, составляющая священную древность Костромы, была торжественно внесена въ городъ и поставлена первоначально въ соборной церкви св. Ѳеодора. Вскорѣ начались чудотворенія отъ св. иконы, изъ коихъ одно имѣло и историческое значеніе, когда князь Василій съ этой иконой побѣдилъ татаръ или, вѣроятнѣе, бесерменъ, приходившихъ за данью. Побѣда эта была одержана княземъ Василіемъ при озерѣ, получившемъ отъ того названіе Святаго Вскорѣ князь Василій повелѣлъ соорудить новую соборную церковь въ Костромѣ Успенія Пресвятой Богородицы, такъ какъ древняя соборная церковь св. Ѳеодора предъ тѣмъ сгорѣла, но, икона, какъ повѣствуетъ сказаніе, „невредимою пребысть отъ огня". Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1272 г., по смерти великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, по праву старшинства, Василій князь Костромскій вступаетъ на великокняжескій Владимірскій столъ. Какъ видно, этотъ князь возлюбилъ Кострому и, сдѣлавшись великимъ княземъ, не поѣхалъ въ стольный городъ Владиміръ, а остался жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ Кострома въ теченіе великаго княженія Василія Костромскаго, съ 1272 по 1276 г. включительно, практически была столицей великаго княжества Владимірскаго. Василій занялъ столъ и Новгородскій, уступленный ему послѣ распри племянникомъ его, Димитріемъ Александровичемъ. Время великаго княженія Василія Костромскаго, какъ извѣстно, отличается въ исторіи соборомъ епископовъ, со-

званнымъ въ г. Владимірѣ, съ цѣлію обсудить разные церковные недостатки, для выработки правилъ церковныхъ, изысканія мѣръ къ исправленію и возвышенію нравственности духовенства и къ уничтоженію въ народѣ языческихъ обрядовъ и вѣрованій. Василій Костромскій скончался въ началѣ 1277 г. на 37 году жизни. Онъ торжественно былъ погребенъ въ церкви св. Θеодора, въ которой и былъ вѣнчанъ. Послѣ пожара церковь св. Θеодора, очевидно, была возобновлена. Впрочемъ нужно сказать, что мѣсто погребенія князя Василія доселѣ остается неизвѣстнымъ, то-есть неизвѣстно, въ какой именно церкви св. Θеодора онъ погребенъ, такъ какъ, кромѣ древней церкви св. Θеодора, была устроена княземъ Василіемъ придѣльная церковь во имя св. Θеодора Стратилата въ новой соборной церкви Успенія. Вѣрнѣе, все-таки, кажется, полагать, что онъ погребенъ въ древней возобновленной послѣ пожара соборной церкви св. Θеодора. Послѣ Василія Костромскаго Кострома непродолжительное время была самостоятельнымъ княжествомъ; поэтому было немного и Костромскихъ князей. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи былъ Галичъ. Князь Василій Костромскій, по всему вѣроятію, не имѣлъ сыновей и потому послѣ его смерту Кострома переходитъ въ непосредственное владѣніе великаго князя Владимірскаго. Въ Галичѣ же княжатъ преемственно сыновья князя Константина Галицкаго, Давидъ и Василій. Во время усобицы сыновей Александра Невскаго, Димитрія и Андрея, Кострому получаетъ въ удѣлъ сынъ Димитрія, Іоаннъ Дмитріевичъ, который вскорѣ послѣ смерти отца своего получилъ въ удѣлъ свой родовой Переяславль, а въ Костромѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1299 г. или въ 1300 сѣлъ сынъ Андрея Александровича Борисъ, княжившій въ Костромѣ до 1303 г. Только трое было самостоятельныхъ князей въ Костромѣ. Можно еще присоединить четвертаго, неудачно вокняжившагося здѣсь князя Бориса Даниловича, котораго прислалъ въ Кострому братъ его, князь Юрій Даниловичъ, начавшій знаменитую борьбу изъ-за великаго княженія съ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ. Такъ какъ Кострома была на сторонѣ Михаила Тверскаго, то Костромичи схватили князя Бориса и отправили его въ Тверь и при этомъ казнили нѣкоторыхъ бояръ, передавшихся Юрію. Юрій примирился было съ Михаиломъ у Костромы, но потомъ снова началъ борьбу, кончившуюся, какъ извѣстно, трагически мученическою смертію князя Михаила въ Ордѣ по наущенію князя Юрія Московскаго. Послѣдній получаетъ ярлыкъ отъ хана на великое княженіе — и Кострома волей-неволей подчиняется ему. По смерти Юрія Московскаго великимъ княженіемъ завладѣваетъ братъ его Іоаннъ Даниловичъ Калита; также послѣ борьбы съ Тверскимъ княземъ Москва становится стольнымъ городомъ и Кострома переходитъ во владѣніе Іоанна Калиты, великаго князя Московскаго, какъ городъ великокняжескій. Съ этого времени въ исторіи Костромы наступаетъ періодъ Московскій послѣ Владимірскаго. Въ началѣ княженія Іоанна Калиты, именно въ 1333 г. близъ Костромы, татарскимъ мурзой Четою, въ христіанствѣ получившемъ имя Захаріи, предкомъ Годуновыхъ, на мысу, близъ впаденія р. Костромы въ Волгу, былъ построенъ Ипатьевскій монастырь въ память явленія здѣсь Чету во снѣ Божіей Матери съ священномученикомъ Епископомъ Гаггрискимъ Ипатіемъ и съ святымъ апостоломъ Филиппомъ. Іоаннъ Калита купилъ у одного изъ потомковъ Константина Галицкаго г. Галичъ, какъ видно это изъ завѣщанія Димитрія Донскаго, но по смерти Калиты князья, по-

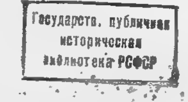
томки Константина, снова возвратили Галичъ, и онъ такимъ образомъ снова становится самостоятельнымъ княжествомъ, но ненадолго. Димитрій Донской, изгнавъ князя Димитрія изъ Галича, завладѣлъ послѣднимъ. Кострома въ это время терпѣла отъ нападеній ушкунцевъ новгородскихъ, которые разграбляли ее. За эти своевольства князь Димитрій Ивановичъ предпринималъ походъ на Новгородъ и взялъ съ Новгородцевъ большую пеню. Въ княженіе Димитрія Донскаго Костромичи участвуютъ подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни въ Куликовской битвѣ, въ которой погибло, по сказаніямъ, до 20 костромскихъ бояръ. Во время нашествія Тохтамыша и Эдигея на Москву, Кострома, какъ городъ великокняжескій и безопасный по своему положенію, укрывалъ внутри себя великаго князя Димитрія Донскаго и его преемника, сына Василія Дмитріевича, соорудившаго въ 1410 г. городъ Плесъ, какъ оплотъ противъ набѣговъ татаръ. Въ 1413 г. Кострома была опустошена пожаромъ, истребившимъ до 30 церквей. Отсюда мы заключаемъ, что въ XV вѣкѣ Кострома была уже большимъ городомъ. Вскорѣ постигли Кострому и другія бѣдствія: моровое повѣтріе и голодъ. Димитрій Донской далъ своему сыну Юрію удѣлы: Звенигородъ и Галичъ. Юрій Дмитріевичъ поднимаетъ знаменитую послѣднюю усобицу въ Рюриковомъ домѣ изъ-за нарушенія правъ старшинства на великокняжескій столъ, когда братъ его Василій Дмитріевичъ благословилъ на великое княженіе своего старшаго сына Василія Васильевича, прозваннаго впослѣдствіи Темнымъ. Во время этой усобицы, продолженной и сыновьями Юрія, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, князьями Галицкими, Галичъ вмѣстѣ съ Костромою занимаетъ въ русской исторіи видное мѣсто. Походы князей совершались чрезъ Кострому. Во время одного похода князь Московскій Василій былъ взятъ въ плѣнъ княземъ Юріемъ и, въ видѣ особой милости, отпущенъ изъ плѣна и получилъ въ удѣлъ Коломну. Великимъ княземъ сѣлъ князь Галицкій Юрій Дмитріевичъ, но ненадолго. Его положеніе въ Москвѣ было непрочно, когда служилые люди оставили его и перешли на сторону Василія Васильевича. Князь Юрій отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и самъ ушелъ опять въ свой Галичъ. Борьба между дядей и племянникомъ вскорѣ снова возгорѣлась вслѣдствіе измѣны князя Галицкаго. Великій князь Василій пошелъ ратью къ Галичу, взялъ и сжегъ его. Князь Юрій отомстилъ великому князю, разбилъ его вскорѣ въ Ростовской области, потомъ взялъ Москву и снова сѣлъ на великое княженіе. Великій князь Василій, бѣжавшій было въ Новгородъ, возвратился оттуда — и борьба опять возобновилась. Вскорѣ умеръ князь Юрій Дмитріевичъ. Послѣ него борьбу продолжали съ великимъ княземъ Василіемъ сыновья Юрія. На великомъ княженіи Московскомъ сѣлъ сынъ Юрія, Василій Косой, но вскорѣ и онъ долженъ былъ оставить Москву, которую опять занялъ Василій Васильевичъ. Василій Косой прибылъ въ Кострому и, собравъ здѣсь рать, двинулся на великаго князя къ Москвѣ, но былъ разбитъ послѣднимъ. Недолго спустя Косой опять пошелъ ратью къ Костромѣ. Великій князь принужденъ былъ итти противъ него. Обѣ рати расположились на противоположныхъ берегахъ р. Костромы при устьи ея. Впрочемъ боя не послѣдовало — и соперники заключили миръ, по которому Василій Васильевичъ удержалъ за собой великое княженіе. Косой затаилъ злобу на великаго князя и опять начинаетъ борьбу съ нимъ. Наконецъ Косой

былъ взятъ въ плѣнъ великимъ княземъ, отправленъ въ Москву и ослѣпленъ. Послѣ Косаго въ Галичъ сѣлъ братъ его Димитрій Красный, вскорѣ скончавшійся здѣсь. Послѣ него Галичъ переходитъ во владѣніе его брата Димитрія Шемяки, князя Углицкаго и управляется его намѣстниками. Шемяка замыслилъ овладѣть великимъ княженіемъ и схватить великаго князя Василія. Замыселъ вполнѣ удался. Клевреты Шемяки нашли удобный случай схватить великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ, и великій князь былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ. Великимъ княземъ московскимъ сѣлъ Димитрій Шемяка. По ходатайству митрополита Іоны, князь Василій Васильевичъ Темный былъ освобожденъ Шемякою изъ Углича и получилъ въ удѣлъ Вологду. Въ Москвѣ, между тѣмъ, была сильная партія, державшая сторону князя Василія; Шемяка же былъ ненавидимъ народомъ, особенно за несправедливость. Князь Василій, при помощи своихъ приверженцевъ, завладѣваетъ скоро Москвою, а Шемяка бѣжитъ сначала въ Галичъ. Когда всѣ усилія склонить Шемяку къ примиренію оказались тщетны, великій князь Василій пошелъ на него ратью къ Галичу, но дошелъ только до Костромы, гдѣ Шемяка заключилъ миръ съ великимъ княземъ. Впрочемъ миръ былъ непродолжителенъ. Шемяка съ большою ратью подступилъ къ Костромѣ, какъ городу великокняжескому, долго бился подъ Костромою съ войсками великаго князя или великокняжескою заставою, но взять городъ не могъ. Тогда великій князь снова выступилъ въ походъ противъ Шемяки. Въ 1450 году, января 27, произошла подъ Галичемъ знаменитая битва великаго князя Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякой. Шемяка былъ разбитъ на-голову и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ вскорѣ и погибъ отъ отравы. Мы кратко изложили ходъ этой знаменитой усобицы изъ-за великаго княженія, указавъ тѣ моменты ея, въ которые занимаютъ видное мѣсто въ исторіи города Кострома и Галичъ. — Въ XV вѣкѣ Галичъ и Кострома много терпѣли бѣдствій отъ набѣговъ казанскихъ татаръ, противъ которыхъ великій князь Іоаннъ III предпринималъ походы, для отмщенія имъ за набѣги. Во второй половинѣ XV вѣка и первой XVI-го Кострома и Галичъ не имѣютъ важнаго значенія въ русской исторіи. Набѣги казанскихъ татаръ на костромскіе и галицкіе предѣлы продолжались и вызывали со стороны правительства необходимость строить новые города или укрѣпленія противъ нихъ, какъ, напримѣръ, Буй и Кадый (нынѣ Костромской губерніи). Костромичи предпринимали походы противъ Казанцевъ и нерѣдко разбивали ихъ. Особенно прославилъ свое имя въ исторіи побѣдой надъ Казанцами при р. Язовкѣ костромской воевода Яковлевъ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Галичъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ городовъ какъ напримѣръ, Чухломы, Унжи и Юрьевца, былъ назначенъ для содержанія опричнины. Въ послѣдующія царствованія за царствованіемъ Іоанна Грознаго Кострома и Галичъ рѣдко упоминаются въ исторіи. Въ царствованіе Бориса Годунова отмѣтимъ фактъ преслѣдованія имъ бояръ Романовыхъ, которыхъ Годуновъ считалъ для себя опасными соперниками. По ложнымъ обвиненіямъ въ злоумышленіи противъ царя, Романовы были сосланы въ отдаленныя мѣста, но вскорѣ сестру Ѳеодора Никитича, дѣтей его и сноху Борисъ велѣлъ перевести въ Юрьевецкій уѣздъ (нынѣ Костромской губерніи) въ ихъ вотчину село Клинъ. Здѣсь отрокъ Михаилъ, будущій вѣнценосецъ Россіи, лишенный отца и матери, на попеченіи родственниковъ дожилъ до смерти Борисовой. Въ концѣ

царствованія Бориса, какъ вѣнецъ бѣдствій, постигшихъ тогда Россію, является первый самозванецъ. Кто былъ онъ? Откуда происходилъ и чья была креатура? Эти вопросы доселѣ еще не рѣшены окончательно. Слѣдуя вполнѣ вѣроятнымъ сказаніямъ русскихъ лѣтописей и свидѣтельству актовъ, нужно допустить, что первый лже-Димитрій былъ бѣглый монахъ Григорій, уроженецъ гор. Галича, происходившій изъ мелкихъ служилыхъ дворянъ, жившихъ въ предѣлахъ Галича, именно изъ рода дворянъ Отрепьевыхъ. Вопросъ о происхожденіи перваго самозванца требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Мы упоминаемъ о немъ здѣсь потому, что, по свидѣтельству русскихъ источниковъ, 1-й самозванецъ имѣетъ самое близкое отношеніе къ г. Галичу, какъ его уроженецъ. Въ пригородьи Галицкіе 1-мъ самозванцемъ были сосланы трое князей Шуйскихъ: Василій, Димитрій и Иванъ. Наступило царствованіе Василія Шуйскаго. Приближенные къ 1-му самозванцу были сосланы: Вишневецкій въ Кострому, нѣкоторые въ Галичъ. Вскорѣ явился второй самозванецъ, старавшійся насиліемъ и лестью привлечь къ себѣ города. Городъ за городомъ сдались ему. Въ числѣ ихъ были Кострома и Галичъ. Кинешма была подчинена силою*). Въ Юрьевцѣ поволжскомъ собрались дружины, вѣрныя Василію Шуйскому, и съ сотникомъ Ѳедоромъ Краснымъ и изъ Рѣшмы съ крестьяниномъ Григоріемъ Лапшею пошли къ г. Луху. Побивъ здѣсь литовскихъ людей, они пошли къ Шуѣ. Царь Василій Шуйскій разсылаетъ по городамъ грамоты, увѣщевая гражданъ отступить отъ самозванца и опять быть вѣрными ему. Призыву царя откликнулись города — и изъ нихъ Кострома и Галичъ. Тогда изъ стана самозванца выступили отряды поляковъ для усмиренія возставшихъ городовъ. Изъ предводителей отрядовъ особенно извѣстенъ Лисовскій, опустошившій Кострому въ 1608 г.; Галичъ въ 1609 г. также былъ взятъ тушинцами. Нѣсколько разъ Костромскія и Галицкія мѣста подвергались въ это время опустошенію отъ поляковъ и литовцевъ; — сраженія происходили и на улицахъ Костромы, когда пришли для освобожденія Костромы, и другихъ городовъ отъ поляковъ вѣрныя дружины сѣверныхъ городовъ. Поляки, потерпѣвъ пораженіе въ Костромѣ, заперлись въ Ипатьевскомъ монастырѣ и вотъ началась осада Ипатьевскаго монастыря воеводой царскимъ Давидомъ Жеребцовымъ. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорной стороной, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ мятежникамъ, осажденнымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля, Лисовскій съ яростью устремился отъ Костромы къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Тогда предводитель поляковъ, Вельяминовъ, сдалъ Ипатьевскій монастырь воеводѣ Жеребцову. По сверженіи Василія Шуйскаго бѣдствія смутнаго времени еще болѣе усилились. Москва и Россія были наводнены поляками. Тогда города начали пересылаться грамотами, призывая другъ друга итти противъ враговъ. Въ Костромѣ съ воеводой Волконскимъ и въ Галичѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Но между вождями ополченій разныхъ городовъ не было единодушія и рати долгое время бездѣйствовали подъ Москвой. Наконецъ, по призыву Троицко-Сергіевой лавры, въ Нижнемъ-Новгородѣ составилось ополченіе подъ предводительствомъ князя Пожарскаго и

*) О Кинешмѣ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1-й разъ въ XV вѣкѣ.

гражданина Козьмы Минина, которое и двинулось къ Москвѣ по Волгѣ. Кострома имѣла счастіе встрѣчать это ополченіе и, снабдивъ его деньгами и всѣмъ нужнымъ, съ честью проводила его къ Ярославлю. Нижегородское ополченіе вмѣстѣ съ казаками очистило Московскій кремль отъ поляковъ, съ которыми томились тамъ юный бояринъ Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью своею инокинею Мареою. Вслѣдъ затѣмъ Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью отправились въ свою Костромскую Домнинскую вотчину, гдѣ и жили до того времени, когда крестьянинъ Домнинской волости Иванъ Сусанинъ извѣстилъ ихъ объ угрожавшей имъ опасности отъ поляковъ. Сусанинъ заведя поляковъ въ противоположную отъ Домнина сторону, въ глухое Исупово болото, погибъ здѣсь мученически. Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью скрылись тѣмъ временемъ въ Ипатьевскую обитель. Сюда вскорѣ прибыло многочисленное посольство изъ Москвы съ предложеніемъ Михаилу Θеодоровичу царскаго вѣнца. Послѣ долгаго колебанія со стороны матери Михаила Θеодоровича, инокини Мареы, предложеніе наконецъ было принято, и Михаилъ Θеодоровичъ въ первый разъ возсѣлъ на стулѣ царскомъ и пріялъ въ руку жезлъ царскій въ Ипатьевской обители 14 марта 1613 г. Мы кратко обрисовали ходъ исторіи Костромы и Галича до царствованія Михаила Θеодоровича, но дальнѣйшая ихъ исторія еще бѣднѣе.

Печатается по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

*Предсѣдатель Графиня **Уварова.***

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

